

Фань Лянь тоже размышлял. Господин Сунь представил нового человека лишь как «господина Хань», не упомянув ни должности, ни полного имени. Всё это казалось загадочным и, несомненно, скрывало какую-то историю. В семье Фань было несколько человек, занимавшихся политикой, поэтому Фань Лянь разбирался в делах чиновников лучше, чем Чэн Фэнтай.

— Это явно не просто так, — сказал он. — Давай не будем много говорить, просто послушаем оперу.

С этими словами он налил чашку чая своей подруге, и они нежно обменялись взглядами.

Господин Сунь кратко рассказал господину Ханю о подвигах командующего Цао. Бывший разбойник, разбогатевший на раскопках древних могил, в его устах превратился в защитника страны, борющегося с несправедливостью. Господин Хань, обладая изысканными манерами, дождался, пока господин Сунь закончит свою речь, и лишь затем с улыбкой кивнул:

— Имя командующего Цао давно гремит, и я уже слышал о его подвигах. Я искренне восхищаюсь им!

Командующий Цао кивнул, сохраняя холодное выражение лица. Господин Сунь начал рассказывать о событиях прошлого, когда командующий Цао проявил мудрость, подчинившись центральному правительству. Командующий не возражал, так как это было правдой. Господин Хань же поправил очки и с улыбкой сказал:

— Командующий Цао, как говорится, «нет отца без достойного сына». Ваш сын командует восемнадцатью тысячами солдат, и именно благодаря этому вы сегодня можете наслаждаться оперой Шан Сижую. Это счастье, которое не купишь ни за какие деньги.

Уголок рта командующего Цао слегка дрогнул в улыбке. Восемнадцать тысяч солдат формально подчинялись правительству, но фактически оставались в руках семьи Цао, и это было его гордостью.

Господин Сунь, заметив реакцию, окинул взглядом господина Хана и командующего Цао и с улыбкой добавил:

— Старший сын командующего Цао унаследовал дух своего отца и всей душой предан службе стране, защищая границы и подавляя мятежи. Председатель правительства полностью ему доверяет.

Чэн Фэнтай уловил в каждом их слове скрытые смыслы. Господа Сунь и Хань казались то друзьями, то врагами, их отношения были крайне тонкими. Фань Лянь, будучи бизнесменом, связанным с чиновниками, всегда ставил свои интересы на первое место. Он делал вид, что внимательно смотрит на сцену, но его мысли уже были далеко от оперы, он лишь прислушивался к скрытому противостоянию между тремя мужчинами.

На сцене Сунь Шансян играл актёр, исполняющий роль «большого цветного лица», которому, вероятно, было уже за пятьдесят. Он был крепкого телосложения, с широким лицом, что часто становилось предметом шуток: «Слёзы, пролитые в прошлом году, только сейчас достигли уголков губ». Когда он появлялся на сцене в красном наряде и с румянами, изображая

женственность, это выглядело особенно пугающе. Его появление вызвало смех в зале, потому что рядом с ним Юй Цин, игравший Лю Бэя, казался хрупким и женственным, похожим на бородатую девушку. Шан Сижуй, исполнявший роль Чжао Юня, невольно выпрямился, стараясь не утратить мужественности.

Когда опера подошла к концу, господин Сунь всё ещё пытался доказать тесную связь между центральным правительством и армией Цао. На сцене Сунь Шансян и Лю Бэй шли в брачные покои. В этот момент актёр, игравший Сунь Шансян, внезапно перестал говорить тонким голосом и вернулся к своей обычной манере, громко крикнув Лю Бэю:

— Почтенный господин! Следуйте за мной! Ха-ха-ха-ха!

Это вызвало смех как на сцене, так и в зале.

Господин Сунь замешкался, забыв свои заготовленные слова. Командующий Цао, напротив, рассмеялся и громко попросил позвать Шан Сижую. Господин Хань же лишь улыбался сдержанно.

Шан Сижуй быстро снял грим и головной убор, переоделся в чаншань и куртку, чтобы встретиться с командующим Цао. Чтобы зрители его не узнали, он накинул шерстяной шарф, закрывающий большую часть лица, и шёл, опустив голову. Этим вечером, воспользовавшись присутствием важных чиновников, он намеревался обсудить запрет на постановку «Повести о скрытом драконе». Приглашение командующего Цао было как нельзя кстати. С его вспыльчивым характером, он наверняка бы взорвался, услышав об этом, чего боялись многие гражданские чиновники.

Когда Шан Сижуй появился, выражение лица Чэн Фэнтая изменилось, на нём появилась насмешливая улыбка. Шан Сижуй лишь взглянул на него и проигнорировал. Он вежливо поздоровался с господами Сунем и Ханем, после чего ему подали стул. Шан Сижуй сел, отвечая на вопросы, но не торопился высказывать свои претензии.

В ходе разговора выяснилось, что господин Хань был настоящим поклонником оперы и мог поддержать беседу с Шан Сижуюем. Он рассказал, что в шестнадцатом году Китайской республики (1927) в Гуанчжоу слышал, как Шан Сижуй пел, и считал его старым знакомым. Все слушали с улыбками, кроме Фань Ляня, который изменился в лице и многозначительно посмотрел на Чэн Фэнтая. Тот же не мог понять, что тот имел в виду.

— После того года я перешёл на женские роли, — с улыбкой сказал Шан Сижуй. — Вы видели мои последние выступления в роли воина. Тогда мои женские роли были лишь на уровне голоса, техника была слабой.

Господин Хань ответил:

— Честно говоря, мне больше нравится ваш воин. Даже в юном возрасте ваше мастерство было превосходным. Позже я слышал о знаменитом Шан Сижуюе, но долго не мог понять, кто это, ведь я знал только Шан Сижую, исполнявшего мужские роли!

Чэн Фэнтай посчитал старое имя Шан Сижуй забавным, оно звучало по-детски и больше подходило к его характеру. Сам же Шан Сижуй стеснялся этого имени, считая его слишком неформальным и неподходящим для сцены. Он даже корил своего приёмного отца за то, что тот потратил десять лет на выбор сценического имени.

Шан Сижуй сказал:

— Даже если я стану знаменитым в женских ролях, когда мой голос состарится и огрубеет, я вернусь к мужским. Это основа моего мастерства, и я не могу её забыть.

Господин Хань с интересом спросил:

— Но перед тем как приехать в Бэйпин, я слышал, что вы недавно исполняли мужские роли? «Повесть о скрытом драконе», верно? Я опоздал, но если будет возможность, вы удостоите меня своим выступлением?

Шан Сижуй наконец подошёл к главной теме, слегка улыбнувшись:

— Возможно, это уже не получится.

Фань Лянь и командующий Цао одновременно повернулись к нему.

— В газетах пишут, что эту постановку могут запретить.

Фань Лянь удивился. Командующий Цао выругался:

— Кто смеет запрещать? Я ещё не видел её!

Господин Хань помолчал, затем с улыбкой сказал:

— В этом вопросе вы обратились к нужному человеку! Господин Сунь — влиятельная фигура. В последние годы опера куньцзюй теряет популярность из-за Пекинской оперы, а зарубежные пьесы становятся всё более популярными среди молодёжи. Если так пойдёт дальше, Пекинская опера тоже может оказаться в тени.

Он повернулся к господину Суню:

— Господин Сунь, разве мы можем позволить себе враждовать друг с другом, давая иностранцам преимущество?

Командующий Цао молча пил чай. Фань Лянь вращал глазами. Чэн Фэнтай воспользовался моментом, чтобы обменяться взглядом с Шан Сижуюем, не проявляя интереса к политическим играм.

Господин Сунь рассмеялся:

— Мы с вами мыслим одинаково! Вражде пора положить конец. Единство и сотрудничество — вот что важно. Теперь, когда мы нашли общий язык, всё будет проще. Вы можете быть спокойны!

Эти слова заставили командующего Цао задуматься. Фань Лянь тоже выглядел задумчивым. Шан Сижуй, любя обе оперы, не удержался:

— На самом деле нельзя сказать, что Пекинская опера вытеснила куньцзюй. У каждой есть свои достоинства. Просто новых постановок куньцзюй становится всё меньше, и она устаревает.

Господа Сунь и Хань говорили о политике, а Шан Сижуй — об искусстве. Даже Чэн Фэнтай, не разбирающийся в политике, понял, что их разговоры шли в разных направлениях. Все за столом тихо рассмеялись, а Шан Сижуй покраснел:

— Тогда я надеюсь на вашу поддержку, господин Сунь! Мне нужно идти на поклон, прошу прощения.

Даже во время поклона Шан Сижуй всё ещё краснел. Ему было сложно просить о помощи, это было самое трудное в его профессии.

После окончания оперы господа Сунь и Хань ушли первыми. Командующий Цао глубоко взглянул на сцену, что-то сказал адъютанту и тоже ушёл. Чэн Фэнтай, как обычно, направился за кулисы, но его остановил Фань Лянь, сказав, что у него есть важные новости. Чэн Фэнтай, хотя и был раздражён, не смог отказать Фань Ляню, который настаивал на разговоре. Разозлило его то, что Фань Лянь не сразу начал говорить, а сначала отвёз подругу домой. Чэн Фэнтай терпеливо ждал, пока Фань Лянь закончит, и они остались вдвоём на морозе, куря сигареты.

— Шурин, ты что-нибудь понял из сегодняшнего?

<http://bllate.org/book/15435/1368650>